

АНТРОПОМОРФНАЯ ПАРАДИГМА ПРИЗНАКОВ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА УМ

© 2004 М.В. Пименова

Кемеровский государственный университет

Язык, по мнению Лео Вейсгербера, является не важнейшим средством общения и орудием мышления, а неким “промежуточным миром” между реальностью и мышлением. Человек познаёт не объективную действительность, существующую вне его и независимо от него, а тот язык, которым владеет. “Промежуточный мир языка”, по Л.Вейсгерберу, национально своеобразен. Характер и развитие мышления определяется его имманентным развитием, поэтому любое мышление имеет чисто национальные черты [см.: 2]. В различных концепциях современного языкознания делаются попытки разрешить один вопрос: определяет язык мировоззрение или он не является первичным способом категоризации действительности и миропонимания. Эти теории постулируют достаточную относительность знаний о мире, которые прямо зависят от того, что служит источником этого знания: сама действительность или ее концептуализация, зафиксированная в значении языковых знаков. В настоящий период эта проблема возникла вновь в связи с исследованием когнитивных процессов, лежащих в основе порождения языковых сообщений и их понимание. В современной гносеологии выдвигается мнение, что добытое (выводное) знание обладает эвристической функцией. Когнитивная обработка нового знания при его концептуализации происходит путем перенесения “буквального” значения существующих языковых знаков и сопутствующих им ассоциаций на другую область знания. Как отмечает Т.А. Фесенко, “интерпретация фрагмента действительности в концептуальной системе – это, по сути, конструирование информации об определённом мире или “картине мира”, при этом смысл вербальных единиц оказывается как бы “вплетённым” в данную концептуальную систему” [11, 133]. В основе концептуальных метафор находятся когнитивные модели. Под когнитивной моделью понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также то, что мы желаем выразить. Иными словами, значение слова может быть представлено в виде когнитивной модели – структуры пред-

ставления знания – связанной схематизации опыта, в которой фиксируются прототипические знания о действительности, содержится основная (типовая) информация о том или ином концепте. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах.

Концепты внутреннего мира обычно представлены в языке посредством метафор. Как отметил А.П. Чудинов, “Каждая из ... метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стёклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей... Важно подчеркнуть, что метафорическое зеркало отражает не реальное положение дел..., а его восприятие в национальном сознании” [12, 211]. Метафора привычна в описании любых реалий, “наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути... Наш понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности ... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, ... наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой” [5, 387]. Постигание и освоение внутреннего мира производится человеком наравне с постижением и освоением мира внешнего [см. подробнее: 7; 8; 9]. Разнообразие антропоморфных признаков в структуре концептов внутреннего мира обуславливает выделение на их основе когнитивной модели ‘ум → человек’.

Впервые назначение антропоморфных образований и их логику описал Дж. Вико [3]. Именно Дж. Вико первым указал на особый культурный статус метафоры, на ее роль в познании нового человеком. Основным положением его теории является то, что человек в состоянии понять лишь то, что он сам сделал, что для него известно. “Антропоморфные представления, включенные в систему объяснения (в качестве элементов логики “развития” с соответствующей метафорикой выражения), представле-

ны в семантических образованиях предзаданности, скрытом замысле или действиях сил, обладающих признаками воли, сознания, интереса, желания и т.п. В них объединяются “природные” и “человеческие” элементы...” [4, 320].

Сформировавшаяся антропологическая парадигма знаний исходит из допущения того, что человек познает мир через осознание своей практической и теоретической деятельности в нём. Языку присущ принцип антропоцентричности; язык предназначен для человека, и вся категоризация внешнего мира ориентирована на человека. При этом “в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей” [6, 21]. Язык “навязывает” человеку стереотипы восприятия мира через систему языковых категорий. Как отмечают О.О. Борискина и А.А. Кретов, “языковая категоризация мира – это уникальное для каждого этноса разрешение противоречий между дискретностью формы и континуальностью содержания языковых знаков через систему языковых категорий, как явных, так и скрытых (криптоклассов), обусловленное “наивной” систематизацией вербализованного человеческого опыта” [1, 6]. Концептуализация внутреннего мира заложена в языке, и анализируемые концепты рассматриваются с точки зрения антропоморфных признаков.

Концепт *ум* в русской языковой картине мира представлен разнообразными когнитивными моделями, реализующими общий для них признак ‘ум → человек’ [о структуре концепта *ум* см.: 10]. Антропоморфизм *ума* определяется его гендерными характеристиками (*Мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу*), а также национальными характеристиками (*Говорят, что у Прудона германский ум. Это неправда, напротив, его ум совершенно французский. Герцен. Былое и думы; Ещё молчит гроза народа, Ещё окован русский ум, И угнетённая свобода таит порывы смелых дум. Языков. Элегия; Да, велико его значение – Он, верный Русскому уму, Завоевал нам Просвещение, Не нас поработил ему... Тютчев. Он, умирая, сомневался...).*

Одной из самых обширно представленных когнитивных моделей выступает ‘ум → воин’ (боевой *ум*). Для *ума-воина* свойственны такие качества, как дисциплина (*дисциплинированный ум*), ловкость (*ловкий ум*), наблюдательность (*наблюдательный ум*), решительность (*решительный ум*), непобедимость (*непобедимый ум*), смелость (*смелый ум*), сила (*сильный ум; сила ума*). *Ум*, как воин-стрелок, бывает метким (*меткий ум*). *Ум*, как и воина, можно убить (*убитый ум*). Вариантом этой когнитивной мо-

дели может быть ‘ум → пленник’ (*пленить чей ум*). Пленить *ум* может добродетель (*Взойти на ту высокую гору, Где роза без шипов растёт, Где добродетель обитает, – Она мой дух и ум пленяет... Державин. Фелица*). Не богатство пленяет *ум*, а особые качества человека (*Не пленила золотом, сбойством Нас она, ни серебром; Но лишь девичьим героизмом, Здравым и простым умом. Державин. Царь-девица*). В качестве дополнительных вариантов могут быть когнитивные модели ‘ум → победитель’ (*побеждать умом*), ‘ум → побеждённый’ (*победить/ пленить чей ум*), ‘ум → разрушитель’ (*разрушительный ум*).

Вариативной когнитивной моделью является ‘ум → властитель’ (*власть ума*). *Ум* властвует над миром, над стихиями (*Когда ты возлетишь под небеса волнами, – Увидишь смертных ум и их над морем власть; Но в бездны коль падёшь, – узришь их брэнну часть. Возноси ж, Орёл, крыле, чтоб ввек жить меж звездами. Державин. На спуск корабля “Орла”; Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь – я раб – я червь – я бог! Державин. Бог*). *Уму*, как подданные властителю, отдают дань (*отдать дань уму; Лариосик отдал дань уму и находчивости Николки, после чего приступил к распечатыванию окна. Булгаков. Белая гвардия*). Вариантами когнитивной модели ‘ум → властитель’ выступают ‘ум → чиновник’ (*правительственный ум; министерский ум; Над этим делом работали умы государственные! Мельников-Печерский. В Чудове*), ‘ум → царь’ (*О вы, безбожники! не чтущи Всевышней власти над собой, В развратных мыслях тех живущи, Что случай всё творит слепой, Что ум лишь ваш есть царь вселенной... Державин. Гром*), ‘ум → авторитет’ (*Чацкого авторитет известен был и прежде, как авторитет ума, остроумия, конечно, знаний и прочего. Гончаров. Миллион терзаний*).

Обратной когнитивной моделью является модель ‘ум → подчинённый’. Над *умами* имеют власть (*властвовать умами; иметь власть над чьим умом*). *Умами* управляют (*Как он умеет самовластно Сердца привлечь и разгадать, Умами править безопасно, Чужие тайны разрешать! Пушкин. Полтава*). Помогает управлять *умами* людей особый дар слова (*Не я ль язык твой одарил Могучей властью над умами? Пушкин. Подражание Корану*). *Ум* угнетают (*ум угнетён чем*). *Ум* может остаться свободным (*свободный ум*). *Ум* подавляют (*подавленный ум*). Подчинённость *ума* вызвана бедностью (*бедный ум*), забитостью (*забитый ум*). *Умы*, как люди, требуют вождей (*Явился ты в Ферней – и циник поседелый, Умов и моды вождь пронырливый и смелый... Пушкин. К*

вельможе). Вариантом этой когнитивной модели выступает 'ум → раб' (*Знать, миру явному до-толе Наш бедный ум порабощён, Что переносит поневоле И в мир мечты его закон!* Баратынский. Фея; *Здесь нет ни скиптра, ни оков, Мы все равны, мы все свободны, Наш ум - не раб чужих умов, И чувства наши благородны.* Языков. Песни).

Когнитивная модель 'ум → работник' реализуется посредством признаков труда, работы, входящими в структуру концепта ум (*напряженная работа ума; работники умственного труда; умственная деятельность; ср.: Встретились и калеки умственного труда.* Орлов. Альтист Данилов). Работа ума может быть определена как дело (*не твоего ума дело; Приказчик запретил мне читать в лавке книги, сказав: - Это не твоего ума дело!* Горький. В людях). Обычно работа ума понимается как творчество. Ум человека определяется творческими качествами (*творческий ум*), наделяется свойствами созидательной деятельности (*ум творит; Пусть только ум Екатерины, Как Архимед, создаст машины; И росс вселенной потрясёт.* Державин. На взятие Измаила). Созидательная деятельность ума понимается как особое его свойство – изобретательность (*изобретательный ум; [Паратов:] Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.* Островский. Бесприданница). В таких случаях возможно говорить о реализации когнитивной модели 'ум → изобретатель'.

Отсутствие деятельности ума называется праздностью или ленью (*умственная лень; праздность ума*). Лень ума – это свойство толпы (*Так иногда толпы ленивый ум Из усыпления выводит Глас, пошлый глас, вещатель общих дум, И звучный отзыв в ней находит.* Баратынский. Осень). Праздность ума трактуется как отсутствие у человека цели (*Цели нет передо мною: Сердце пусто, празден ум, И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум.* Пушкин. Дар напрасный, дар случайный...).

Разнообразно представленной в русском языке является когнитивная модель 'ум → помощник'. Ум помогает человеку в его делах (*Без ума торговать, только деньги терять; делать с умом; И с умом воровать – беды не миновать; работать с умом; С умом задумано, а без ума сделано; С умом, подумаем; а без ума, сделаем; сделано с умом*), в его поступках (*поступать с умом*). Помощь ума приводит иногда к обратному эффекту (*С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться*). Ум помогает извлекать пользу (*С умом из всего извлечь нам пользу можно, Когда обходимся с вещами осторожно;*

А без ума – всегда С опасными вещами беда. Н.Бестужев. Мартышка и бритва). Ум – это помощник в ситуациях выбора спутника жизни (*Я иной раз скажу: с умом надо было замуж выходить, Дусенька!* Абрамов. Дом). Вариантами этой модели могут быть 'ум → советник' (*ум подсказывает; Ум шепчет: перестань...* Бальмонт. Избранный), 'ум → наставник' (*Ум разуму учит*).

Когнитивная модель 'ум → друг/ недруг' дополняется моделью 'ум → противник' (*Ум с сердцем не в ладу; жить в согласии со своим умом*). Ум "дружит" с мыслями (*От развлечения, от внешних впечатлений Тогда отвыкнув, уж я в себе самой Для сердца и души искала наслаждений, И пищи, и огня, Там ум сдружился мой С отрадой тихой спокойных размышлений...* Ростопчина). В русской языковой картине мира противником ума считается сердце – орган чувств (*В разладе с сердцем светский ум.* Ростопчина).

В русской языковой картине мира употребительной выступает когнитивная модель 'ум → путник'. Для реализации этой модели используются метафоры движения (*доходить/ дойти своим умом; Летами ушел, а умом не дошел; Рожею подкрасил, а умом не дошёл; Ум придет, да пора уйдет; Ум с умом сходились, дураками расходились; Была пора, так не было ума; а пора ушла, и ум пришел*). У ума, как у путника, есть свои пути (*пути ума*). Движение ума ничем не ограничено (*простор для ума*). Путник-ум характеризуется свободой передвижения (*Голова прикована, а уму воля дана; Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечёт тебя свободный ум, Усовершенствова плоды любимых дум, Не требуя наград за подвиг благородный.* Пушкин. Поэту). Ум, как и путника, преследуют. В качестве преследователей ума могут быть мысли, чувства (*преследовать ум; мысли/ чувства преследуют чей ум; Любовь и жажда наслаждений Одни преследуют мой ум.* Пушкин. Руслан и Людмила). Вариант этой когнитивной модели – 'ум → попутчик' (*Пускай ум наперед: отстанет, не догонит*). В попутчики берут только свой ум (*Чужой ум не попутчик*).

Когнитивная модель 'ум → ученик' проявляется через признаки, выявленные у концепта ум – 'образование', 'воспитание' и 'развитие' (*воспитание/ развитие/ образование ума; Акулина видимо привыкала к лучшему складу речей, и ум её заметно развивался и образовывался.* Пушкин. Барышня-крестьянка; *Хотя ум и способности молодого наследника дома Форли были развиты прекрасным воспитанием и заботами нежной матери...* Ростопчина).

К окказиональным (единичным, авторским) когнитивным моделям относятся ‘ум → актёр’ (*Только личное его [Чацкого] горе произошло не от одного ума, а более от других причин, где ум его **играл** страдательную **роль**, и это подало Пушкину повод отказать ему в уме.* Гончаров. Миллион терзаний), ‘ум → изменник’ (*Здесь **изменяет** ему [Чацкому] не только ум, но и здравый смысл, даже простое приличие.* Гончаров. Миллион терзаний).

Таким образом, на основе выделенных когнитивных моделей можно определить шесть групп основных метафор, свойственных для концепта ум в русском языке: (1) ум – воитель; (2) ум – труженик, творящее/созидающее существо или творческая натура (актёр); (3) ум – представитель иерархической системы в обществе (властитель/подчинённый); (4) ум – путник, попутчик; (5) ум – друг или недруг, (6) ум – ученик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж, 2003.
2. Вейсгербер Л.Й. Родной язык и формирование духа / Л.Й. Вейсберг. – М., 1993.
3. Вико Дж. Новая наука / Дж. Вико. – М., 1936.
4. Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии / Л.Д. Гудков. – М., 1994.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: “Прогресс”, 1990. – С. 347-415.
6. Падучева Е.В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления / Е.В. Падучева // Семиотика и информатика. Вып.34. – М., 1994.
7. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М.В. Пименова – Кемерово, Landau: Кузбассвуиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия “Этногерменевтика и этнориторика”. Вып. 5).
8. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира / М.В. Пименова // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. – Кемерово: ИПК “Графика”, 2003. – С.58-120.
9. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК “Графика”, 2004 (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 3).
10. Сергеева Н.М. Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Сергеева. – Екатеринбург, 2004.
11. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2003. – 2-е изд.